

есть знаніе, а не мудрость. Второе правило при испытаніи вѣръ, подобное первому, требующему не отдѣлять знанія отъ дѣйствія, требуетъ не ограничивать знанія только самимъ собою, въ смыслѣ лица, сословія, народа... Этимъ правиломъ отвергается гордость, выдѣленіе, превозношеніе, самолюбіе и себялюбіе, эгоизмъ и альтруизмъ... Чтобы достигнуть источника этихъ правды, чтобы понять происхожденіе ихъ, нужно взять людей въ ихъ первоначальномъ состояніи, въ томъ состояніи, когда разъединяющія причины не оказали еще на людей своего дѣйствія. Если-же, при бездѣйствіи еще разъединяющихъ причинъ, будетъ дѣйствовать та сила, которая наноситъ удары, лишаетъ сыновъ и дочерей ихъ отцовъ и матерей,—то кто будетъ богомъ этихъ сыновъ и дочерей, какъ не такое существо, которое даетъ жизнь существамъ равнымъ себѣ по могуществу вѣдѣнію и чувству, и въ коемъ нѣтъ ни разъединенія, ни смерти?!. Такое существо есть высшее выраженіе родственности, и поэтому только родственность, во всей ея силѣ и полнотѣ, можетъ быть критеріемъ, пробнымъ камнемъ, при испытаніи вѣръ. Всякое ученіе не требующее полного возстановленія родства, есть ложь. (Если одинъ сынъ допускается къ чашѣ, а другой нѣтъ, какъ у католиковъ, то тутъ нѣтъ уже родства). Мы и теперь не можемъ принять, какъ и отцы наши не приняли, ни новоіудейскаго илама, ни новоязыческаго Запада. Если мы возьмемъ человѣчество въ томъ состояніи, когда на него дѣйствуетъ одна объединяющая сила (сила смертоносная), и не дѣйствуютъ еще разъединяющія причины, то найдемъ въ немъ чистѣйшее, дѣтское чувство, изъ коего и вытекаютъ вышеозначенныя два правила, т. е. не отдѣлять знанія отъ дѣйствія и не ограничивать знанія; ибо *не отдѣлять знанія отъ дѣйствія*—указываетъ лишь на искренность чувства и на его силу; знаніе же при этомъ, т. е. когда не будетъ поводовъ къ раздѣленію, не только не будетъ ограничиваться знаніемъ лишь себя одного, но и многихъ только, смерть же будетъ вынуждать къ соединенію. Въ дѣтскомъ чувствѣ, въ чувствѣ всеобщаго родства, заключается источникъ, исходный пунктъ, и *критерій* дальнѣйшаго совершенствованія, т. е. достиженія совершеннолѣтія; уклоненіе отъ дѣтскаго чувства составляетъ паденіе, создаетъ блудныхъ сыновъ, дѣлаетъ невозможнымъ достиженіе совершеннолѣтія, обращаетъ къ ребячеству, которое нужно различать отъ дѣтства... Когда мы были малы, всѣ люди были для насъ братьями и сестрами нашихъ отцовъ и матерей, дядями и тетками намъ, такъ и говорили намъ наши родители, вынужденные примѣняться къ дѣтскому пониманію, вовсе не подозрѣвая при этомъ, что вынужденное приспособленіе и ихъ самихъ возвращаетъ къ первоначальной истинѣ и благу. А если для дитяти (отрока) всѣ люди братья и сестры его отца и матери, то что же такое оно само, это дитя, какъ не *сынъ человѣческой?!* Изъ этого становится понятнымъ, почему родственность или дѣтское чувство есть *критерій* общаго дѣла,—становится понятнымъ, почему Евангеліе именно дѣтское чувство дѣлаетъ условіемъ вступленія въ Царство Божіе.—«аще не будете какъ дѣти, не внидете въ Царство Небесное»... Ибо что такое христіанство? Евангеліе царствія Божія, *всеобщаго* спасенія, которое по евангельскому ученію и нужно искать прежде всего. Кому же принадлежитъ царство Божіе?..